

ТАНЯ ВИНК

ТАНЯ ВИНК НЕТ НИЧЕГО СИЛЬНЕЕ ЛЮБВИ

Галя и Юра планировали свадьбу. Вот только не сложилось. Семьи влюбленных стали врагами, и жизнь разделила их, разбросав по разным городам. Проходят годы, но Галя все еще не может забыть свою любовь. Она отчаянно хочет заполнить душевную пустоту. Встреча с невестой брата, Катей, одинокой мамой двух малышей, наполняет ее жизнь новым смыслом. И снова все рушится — Катя умирает. Галя оформляет опеку над детьми. Теперь Настя и Тимоша — смысл ее жизни. Галя свыкается с одиночеством и принимает свою судьбу. Но вдруг Настя, маленькое звено в запутанной цепи, закручивает вихрь событий, давно истлевших от времени. И ставит Галку перед выбором, от которого она убежала в прошлом: идти навстречу любви или потерять ее навсегда...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-7083-1

9 786171 270831

НЕТ НИЧЕГО
СИЛЬНЕЕ ЛЮБВИ

Таня Винк

НЕТ НИЧЕГО
СИЛЬНЕЕ ЛЮБВИ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
В48

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки Алексей Безруков

ISBN 978-617-12-7083-1

- © Винник Т. К., 2019
- © DepositPhotos.com / Ivanko1980, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

ГЛАВА 1

...Хрум... Хрум... Под ногами хрустит снег. Едва коснувшись разгоряченного лица, снежинки покалывают, тают и стекают к шее. Тоненькими ручейками устремляются под распахнутый ворот куртки, под кофточку. Моя грудь все еще горячая и все еще сладко ноет от страстных поцелуев. Мои губы искусаны, дыхание сбивается, нет сил идти, но нужно.

— Ты не замерзла?

Он останавливается, поворачивается ко мне лицом. Обнимает. Я прижимаюсь щекой к его щеке, и мне так тепло, будто мы вовсе не под снегопадом, а под ярким солнцем. Просовываю руки ему в подмышки. Там жарко. Волна нежности снова захлестывает меня. Неужели снова? Мы были вместе много часов... Пять или шесть, а я хочу вернуться в его комнату на диван и снова ласкать его и слышать жаркий шепот. Я не вижу его лица, но знаю: он чувствует то же, что и я, потому что мы одно целое, одно существо. Некогда порознь бродившие по свету, мы наконец обрели себя, и теперь у нас одно сердце, одна душа. Его жаркие губы касаются моей щеки, пальцы теребят волосы. Его запах сводит меня с ума, я едва держусь на ногах, и сумасбродная мысль не покидает меня: мы — единственные жители на этой планете...

— Не уходи, — шепчет он, — я не доживу до утра... Тебе не нужно уходить...

Комок подкатывает к горлу. Я ведь сама — рыбка, выброшенная на берег... без него. В груди щемит. Не хочу расставаться. Вот бы проснуться рядом с ним рано утром.

Оставляю на столе завтрак. Бегу на работу. Тело помнит тепло его прикосновений. Словно наяву ласкает слух его жаркий шепот.

Он — мой мужчина. Мой единственный мужчина. Я люблю его всем существом. С первого взгляда. С тех пор в моей душе не умолкают волшебные колокольчики, и их мелодичный звон разносится по всему телу. Каждой клеточкой своего тела устремляюсь к нему. Каждое прикосновение, объятие, слияние

желанно. И еще я думаю о том, что все это непонятно, непостижимо, незнакомо, невозможно, не... Черт! Целая куча «не»!

Я понимаю, что пора зачеркнуть все эти «не» и заглянуть в глаза счастью.

— Давай вернемся... — произносит он на выдохе.

Его горячее дыхание обжигает мне лицо. Мои глаза широко распахнуты.

— Да... вернемся... — шепчу, не сводя с него обожающего взгляда.

— Лисенок! Ты такая!.. Ты прелесть! — Он сгребает меня в охапку, отрывая от земли. — Я люблю тебя, лисенок! Мне так хорошо с тобой!

— Юра... — выдыхаю я, — я люблю тебя!

Его глаза напротив моих — две темные точки, обрамленные синей радужкой, — пронизывают насквозь. Мы замираем. Мы не сразу бежим обратно по цепочке наших же следов — несколько мгновений наши ошалевшие от счастья души вглядываются друг в друга, а потом он берет меня за руки... Теплая волна, исходящая от кончиков его пальцев, заставляет меня вздрогнуть.

— Неужели это ты? — спрашивает он.

В его волосах и на влажных ресницах сверкают снежинки, и больше всего на свете я хочу прожить с этим мужчиной остаток жизни. Не такой уж маленький — мне всего двадцать восемь.

— Неужели это ты? — спрашиваю я.

Я обнимаю его, и мне кажется, что и куртка, и душа нараспашку. Распахнута настежь, будто на груди «молнию» расстегнули: того и гляди сольется с его душой. Сольется навеки...

— Любимая...

О его голос! Низкого тембра, с хрипотцой. Как только мы оставались вдвоем, его сразу выдавал голос: мы одни знали, что сейчас будет. Неотвратимость происходящего завораживала. И счастье, переполнявшее сердце, давало ощущение настоящего полета: я могла поклясться, что в те мгновения я летала! Мы оба летали! Мы парили над землей, уносились туда, где не бы-

ло времени, не было ничего земного. Не было города, людей, обязательств перед теми, к кому мы возвращались, с болью и немymi криками разорвав объятия и *наше* сердце. Мы уходили, каждый к себе, оставляя половинки сердца медленно истекать кровью, и думали об одном: скоро встреча... скоро встреча...

— Лисенок...

Откровенно люблюсь его телом, силясь не упустить ни одной детали... Я вся дрожу. Не от холода, нет. Это душа моя содрогается от нежности, а тело — от томительного ожидания. По моей спине стекает струйка холодного пота.

— Галочка, если бы ты знала, как я люблю тебя...

Внутри меня что-то взрывается, руки взлетают над его плечами. Его глаза блестят в свете фонарей, на губах застыла тревожная улыбка.

— Юрочка, я люблю тебя, — выдыхаю я и опускаю руки ему на плечи.

— Тогда не уходи...

— Не уйду...

— Никогда?

Я хватаю ртом воздух.

— Никогда...

* * *

— Черт! — выругалась Галина Сергеевна, нащупала на тумбочке будильник-колобок и с удовольствием дала «колобку» по голове. Вернее, по его звенящей металлической широкополой шляпе, о которой в сказке ни слова. — Такой сон прервал!

Скривилась, почесала макушку, перевела взгляд на окно и мысленно, уже в который раз, «поблагодарила» подругу детства за подарок, преподнесенный в июне, к тридцатой годовщине окончания школы. Школу они терпеть не могли, но вспоминать любили. В смысле — потрепаться, посплетничать об одноклассниках, учителях, косточки всем перемыть.

— Правда, он звенит точно как в детстве? — на лице Ленки умильное выражение, а Галку накрывают воспоминания,

приятные и не очень. И она так хочет услышать его довольно противный и настойчивый звон здесь же, в кафе, что аж руки зачесались — ведь *того* «колобка» она выбросила много лет назад, когда арестовали Вадима и все полетело к чертям собачьим. Она хватает «колобка» и принимается заводить. Ленкино лицо вытягивается.

— Не-на-до, — ее тон мягкий, как у психиатра, разговаривающего с буйнопомешанным, — потом, — она придвигает к себе враз опустевший бокал, — хватит того, что мы тут шампанское под столом разливаем.

Чистая правда — разливали под столом, но мальчика-официанта с лихим чубчиком-завитком цвета недоспелого лимона предупредили. И не только предупредили — загодя попросили салфетку побольше: с шампанским всякое бывает. Конечно, их могли турнуть за нарушение общественного порядка, а кафе это они любят... За шоколадные конфеты, которые можно сделать здесь же, на месте, а потом съесть. За салфетку пообещали похвалить в книге отзывов.

— Хвалить будешь ты, это по твоей части. Напишешь, что мальчик душка, — кричит Ленка, зажимая бутылку между колен, наклоняется вперед, обводит зал вороватым взглядом исподлобья и прислушивается. В тот момент, когда музыка, льющаяся откуда-то сверху, становится громче, Ленкины брови взлетают под аккуратно филированную челку и она тянет пробку на себя. Шпок! Довольная, она улыбается до ушей, хватая Галкин бокал. Лимонный чубчик, маячивший поблизости, облегченно вздыхает и с деланой улыбкой мчится в другой конец зала. Впрочем, конец этот они не видят — колонн по всему залу уж очень много.

Пили за встречу, за здоровье, за дружбу. Закусывали фондю. Вытащили вторую бутылку. Снова музыка, снова «шпок». По сторонам не смотрели — уже пофиг.

— Давай за любовь! — предложила Ленка, театрально вздохнув.

— Давай! — Галя подняла бокал. — За нее, окаянную... — Чокнулись, посмотрели в окно, вздохнули — и залпом, до дна.

Ленка зацепила длинной вилочкой кусочек банана и погрузила в шоколад.

— Слушай, а ну их! Давай это... — вилочка зависла над чашей, — давай заведем его! Это ж наш день. Пусть все знают!

— Давай, — Галка кивнула, да так резко, что край бокала едва не отпечатался у нее на высоком лбу с милыми поперечными морщинками.

«Это мудрость проявляется, — успокаивала Галку мама, — украшение зрелой женщины. Кто ты без них? — Мама пристально щурится в зеркало на свой довольно ухоженный лоб и кончиками пальцев подтягивает вверх наружные уголки глаз. — Сцыкуха! А я вот собралась круговую подтяжку сделать, Вадюша обеими руками «за»».

Хитро ухмыляясь, Ленка вынула будильник из коробки и завела. Через пару минут кафе огласил нестерпимый звон. Извиняясь, прыснули, столкнулись лбами, дали «колобку» по голове, сунули в коробку и, переглядываясь и давясь хохотом, заказали по бокалу вина.

— Ты таки окончательно поднял мертвого из могилы, — проворчала Галина Сергеевна, косясь на «колобка», и свесила ноги с дивана, — ну подруга, ну удружила...

Сто раз собиралась выбросить этот будильник — пусть смартфон выполняет его функции. Правда, дважды смартфон сильно подвел, так и не зазвонив. В сервисном центре казус объяснили коротко: «Ну бывает...»

Галка встала на цыпочки, потянулась, покрутила головой до хруста в шее и сунула ноги в тапки. Потянула со спинки стула любимый шелковый халат, подарок рукодельницы Ленки, развела плечи до хруста в правом плечевом суставе — печальное следствие работы за компом, как и щелчки в шейных позвонках, гордо вскинула голову и походкой от бедра прошествовала в кухню. Хрустнуло, но уже в бедре. Остановилась. Прислушалась. Еще шаг. Хм, ничего нового — стреляет и болит там, где положено в соответствии с давним приговором

врачей. В коридоре заглянула в зеркало, скорчила рожицу — м-да... Как это говорят? Весь день не куришь, не пьешь, всю ночь спишь, а утром...

Бездумно уставившись на шипящую кофеварку, Галка выпила два стакана воды — ежедневная дань разумной жизни и здоровья ради... Ради встречи, которая когда-то будет. Обязательно будет, потому что шарик круглый. В общем, надо хорошо выглядеть. Кофеварка фыркнула и выключилась. Галя наполнила чашку коричневой жидкостью, к которой пристрастия не имела. Глотнула без излишней мечтательности, не зажмуриваясь от аромата. Предоставив кофейному напитку, как в рекламе, наполнять квартиру и окрестности волшебным запахом, Галя пошла к двери, на которой кнопками было прищиплено изображение. С распечатанного на цветном принтере листа улыбался симпатичный фантом из фильма «Охотники за привидениями», а ниже шрифтом, годным для рекламы ужастика, красовалась подпись: «Чужим не входить! Ни под каким предлогом!» Галка усмехнулась и заглянула в комнату. Зевнула, прикрыла рот ладонью — чистенько, аккуратненько, цвета штор, подушечек и коврика здорово подобраны. Молодец, Настюша. Хорошо, что сейчас девочка сама завтракает. Правда, она была самостоятельной с первого дня, но Гале с этого же первого дня очень хотелось, чтобы Настя чувствовала ее заботу. Забота начиналась в шесть тридцать. То и дело натыкаясь на углы и плохо соображая, где она и что нужно делать, Галка на автопилоте неслась в кухню и готовила, как сказала однажды Настя, суперзавтраки. Сначала в садик отводила, потом в школу снаряжала, а вот в институт собираться не помогает. Настя сама попросила: мол, ты устаешь, ложишься поздно, еще заболешь от недосыпания. Девчушка прочла коротенькую лекцию о вреде недосыпания — Галя слушала внимательно, а как не слушать студентку медицинского института? Тьфу! Медуниверситета. И какой идиот это придумал? Университет — это где много разных специальностей, от физиков до лириков, а не одни врачи от стоматологов до проктологов.

Галина Сергеевна снова зевнула, потянулась, свела лопатки, почесала затылок и направилась в кухню. Да, запах кофе витал в воздухе, но ничего особенного в нем она так и не уловила, сколько ни водила носом. А заплатила за зерна будь здоров! Получается, она такая же жертва рекламы, как и все, а думает, что особенная... Угумс! Посмотрела в окно на невинно-голубое небо без единой тучки и включила ноутбук, с вечера оставленный на столе. Писем, кроме рассылки с сайтов, на которую сама подписалась, не было. На вчерашнее Ленкино письмо ответила. Их переписка — так, ни о чем, болтовня двух одиноких женщин. Одиноких в личном плане. Да, Ленкина мама живет с ней, а не в пригороде, но у тети Зои с памятью уже лет двадцать плохо. Если б не Ленка, та давно была бы овощем, но дочь не дает ей расслабляться — достала какое-то японское пособие для таких вот больных и гоняет бедную старушку в прямом и переносном смысле этого слова. Заставляет делать утреннюю гимнастику, много гулять, много читать, заучивать наизусть стихи и разгадывать кроссворды. Тетя Зоя было заупрямилась: «Я уже старая, дай мне спокойно помереть!», да не на ту напала. Ленкины труды увенчались заслуженным успехом: тетя Зоя даже поклонника себе завела и на свидания бегаёт. При этом Лена на всякий случай распечатала имя поклонника и основные вехи биографии, а также домашний адрес на маленьком листочке и сунула эту бумажку мамочке в сумку. И сестра у нее есть очень хорошая, Наташка, директор школы, живет в Луганске, раз в месяц обязательно приезжает. У Галки тоже есть брат, правда, он сейчас в Польше на заработках — что поделаешь, жизнь такая. Ленка воспитывает Пашку, старшего племянника, Галка — Настю, если про весь этот сложный процесс можно сказать «воспитывает». По ее разумению, воспитание получается двустороннее, и неизвестно, чье влияние сильнее. Ленка иногда в шоке от разговоров с Пашкой, в хорошем смысле этого слова — с Пашкой она все время в тренде. Настя Галю тоже все время держит в тренде, только вот Галку от этого слова поначалу выворачивало в прямом смысле, уж очень оно созвучно слову «трындеть». Но, как оказалось,

ничего общего с ним не имеет. Ладно, не нужно ворчать, а нужно просто жить в ногу со временем, так, как эти юные создания, с легкостью и непонятно откуда взявшейся мудростью и талантом выхватывать из сумбура жизни главное. Они с Ленкой тоже изо всех сил стараются выхватывать это самое главное и, в отличие от некоторых ровесников, не утверждают, что жизнь пролетела мимо. Вот еще дурацкое выражение! Как жизнь может пролететь мимо? Она с тобой, она в тебе, а не где-то. Она, как домашний котенок, все время требует внимания, заботы, нежности. Не дашь всего этого — «котенок» заболит, поблекнет, покроется проплешинами и язвами. В общем, не обижайся, если однажды утром обнаружишь, что жизнь твоя совсем не такая, как ты хотел. Да что вы понимаете, разглагольствуют эти некоторые, мы тут ни при чем, во всем виноваты политические катаклизмы и Луна не в той фазе. Ленке и Галке все это осточертело, и они потихоньку отделились от ворчунов и остались в одиночестве. То есть вдвоем.

Говорят, друзья копируют поведение друг друга, но они не копировали, а просто жили. В школе сидели за одной партой, вместе уроки делали. После школы Ленка направилась в пединститут, на физико-математический факультет, у нее по физике и математике одни пятерки, а вот у Галки от этих наук в животе сразу холодно становилось, и она потопала в сторону, противоположную и в научном, и географическом смысле — через площадь от педагогического, в университет, на филологический факультет. На занятия ездили вместе, домой возвращались тоже вместе.

Настоящая любовь накрыла подруг в одно время, но поздно, под тридцать, до этого у обеих были влюбленности с нехорошим осадком — и Ленке, и Галке парни наставили рога. Филолог Галка тут же возразила математику Ленке, что в соответствии с греческим эпосом такое определение в отношении женщины не годится. На что Ленка выдала: «Знаешь, от чего моя голова тяжелая и трещит? От ветвистых рогов!» И Галка запрятала свою начитанность подальше. Настоящая любовь тоже оказа-

лась конечной, и вот... Имеем, что имеем. У Ленки детей уже не будет: ей матку удалили. «Как и у меня, — рассуждала Галя, — ведь климакс уже не за горами: украинская женщина приговорена статистикой к проклятому климаксу в сорок девять лет».

— Та-ак, надо сон записать, а то забуду.

Последнее время сны снятся уж очень странные. Не по содержанию, а, как бы это сказать, с титрами. Нет, это даже не титры, потому что они не плавают внизу «картинки», они где-то... В общем, где они — непонятно, но Галя их читает и вот именно их запоминает. Благо, память у нее фотографическая.

Кисти рук на несколько мгновений замерли над клавиатурой, и...

«Хрум... Хрум... Под ногами хрустит снег. Едва коснувшись разгоряченного лица, снежинки покалывают, тают и стекают к шее...»

Закончив, она захлопнула ноутбук и, потирая пальцами уши, направилась к зеркалу.

— А-а-а, — показала зеркалу язык, скорчила рожицу: рожица смешливая, а вот глазки грустные.

— К черту грусть! — улыбнулась она и заговорщически подмигнула своему отражению. Впереди ждал новый день.

Ленка предлагала проветриться — она сейчас не работает, потому как реализации нет и их швейный цех приостановили на неделю. Но проветриться не получится, у Галки работы, как всегда, по горло, и будет просто замечательно, если главред раньше начала ноября не нарисует. Собственно, она проверяет почту из-за него — всплывающую строку о приходе писем отключила, чтобы не отвлекала. Хотя он может нарисоваться и раньше, он это умеет. Если письмом — то ничего срочного, так, мелкие вопросы, а если звонит, то все ясно...

— Галя, будьте добры, пришлите рукопись пятнадцатого числа.

— Да это ж на полтора месяца раньше срока!

— Я жду пятнадцатого, — в голосе металла побольше, чем в звоне «колобка».

Галка хочет тут же дать ему по голове, как «колобку», но она этого не делает. Во-первых, нехорошо бить главного редактора, примерного мужа и отца двух очаровательных девочек, по наиболее уязвимому месту, а во-вторых, он не виноват, у него к Галке ничего личного, только бизнес, сроки, ответственность, и, как у всех, не самое понимающее начальство. Вернее, владельцы издательства. А что нужно Галке? Ей это все по барабану, ей нравится писать. Нравится работать до одури. Нравится заново, по-другому проживать жизнь, нравится по-другому описывать события. Кто знает, может, это и есть то самое программирование своей судьбы? Тут главное не навредить, хотя это тоже категория философская — вред или польза видны не сразу, а много позже, с большого, так сказать, временного расстояния. Нравится падать ночью в холодную постель и тут же отключаться. Но... Но ей не нравятся сны, приходящие ну уж очень часто после того, как на тумбочке поселился обновленный «колобок». Или нравятся? Все зависит от сна. Она хочет их видеть, и... не хочет. Они сводят ее с ума в прямом смысле, зато как сводят... Вот если бы была таблетка, гарантирующая полное отсутствие сновидений, думает Галка в минуты меланхолии. Проглотила, водичкой запила, глаза закрыла, и все: ты в черной дыре, в которой, если верить Ленке, ничего, кроме понятной физикам черной материи, нет. Но это несбыточная мечта, такая же несбыточная, как главная мечта Галкиной жизни. Нет, неправда, это уже не мечта, а печальное воспоминание о ней. Печальное воспоминание о встрече, которой, возможно, никогда не будет, а Галка, глупышка, бережно хранит его и боится — прошло много лет, очень много. Они живут в одном городе, но за без малого двадцать лет ни разу не встретились, не столкнулись. Кто-то сказал: он расширил бизнес и уехал то ли в другой город, то ли за границу, но приезжает. Может, оно и так — табличка с названием его фирмы висит на том же месте, и сайт работает, и его фото на сайте... Допустим, они встретились, и что? А ничего! *Привет! Привет... Как дела? Отлично... Ну пока... Пока...* Вот и все. Да, так и будет. И не

скажет она то, что уже много раз говорила ему во сне, шептала устами героинь. Не услышит его слова из своих грез. Все будет много прозаичнее. Нет, все будет ужасно, потому что, уходя, он снова уведет с собой ее душу. Ненадолго, на день-два или неделю, но уведет. Душа вернется, несчастная, бескрылая, и Галка еще много дней будет недоумевать, что же произошло, почему ноги не слушаются и почему все *так*? Почему?!

Такое бывает в минуты меланхолии. Когда же меланхолия отступает, Галка только и мечтает уснуть... и видеть сны. Ее накрывает розовато-сопливое настроение, и там, где у ангелов растут крылышки, начинает чесаться. Чешется, конечно, не только там, и Галка с двойным, а то и тройным рвением тягает блины в тренажерном зале, бежит к косметологу за инъекциями молодости — почему бы и нет? И как только сходят следы от уколов, массирует уже провисающий подбородок, взбивает яйца с медом и всякими маслами и втирает, втирает в лицо... И так до... В общем, до приступа меланхолии. Лицо, нужно отдать ему должное, молодеет, но... глаза те же, грустные...

А что у нас сегодня? Сегодня что-то среднее, и Галка еще не знает, куда отклонится стрелка барометра настроения. Прекрасная погода, совсем не осенняя — октябрь вообще удивил, два дня назад еще короткий рукав носили, а вчера подул свежий ветерок с запахом далекого дождя и напомнил, что пришла осень, и пришла давно. Осень — это хорошо для кожи лица. Тьфу, надо же, как приелись те давние статьи! Листва на клене за окном — красоте необыкновенной. Вот что: надо сбегать в спортклуб и решить вопрос с будильником. Обязательно. Она метнулась в спальню, схватила «колобка» — сам виноват, окончательно разбудил давно и крепко уснувшую любовь. Уснувшую в надежде на пробуждение, как спящая красавица во хрустальном гробу. Эх, лучше б этой любви вообще не было! Хотя... если подумать... откуда без нее черпать сюжеты для романов? Тот-то! Галя вынула из ящика пакет и завернула в него будильник.

— Извини, но с меня хватит! — Она вышла в коридор. — Не обижайся, но я оставляю тебя возле мусорника, кто-то

обязательно подберет, и заживешь припеваючи... тьфу, позванивая в другом доме...

Она положила пакет на столик возле входной двери, вернулась в кухню, взяла чашку с кофе, над которым клубился едва заметный пар, мечтательно зажмурилась, как в рекламе, и отхлебнула.

Хм... Горячее дерьмо. Ох, не такой кофе они пили, разбуженные звоном, тогда желанным и многообещающим — они заводили «колобка» первого поколения, в другом исполнении, более кондового, на полтора часа раньше, чтобы насладиться друг другом. Пили быстро, обжигаясь, боясь потерять даже доли секунды, потому что знали цену мгновениям... Обжигающее дыхание... объятия... его влажная горячая кожа. Обжигающие ладони. Струйки пота между лопаток. Стоны. Его запах...

Она открыла глаза. Это Юра приучил ее к кофе, но не к такому. Она скривилась и поставила чашку на блюде. Надо запить водой, а то во рту будто... Ой, не привередничай, кофе тут ни при чем, тебя просто опять накрывает меланхолия. Галка распахнула дверь холодильника и наугад взяла один из ттрапаков с соком.

— Нет, это уже слишком!

Из всех соков ей попался томатный! «Томатный сок» — шептал Юра, проводя языком по ее подмышке.

Она выпила сок, сполоснула стакан, а внутри уже закипала злорада на себя, на Юру, на весь мир... Но тут же из воздуха соткались буквы и, покачиваясь на уровне глаз, сложились в два предложения: «Угомонись. А то день насмарку!» Да, все правильно — раскопки в глубинах памяти предвещают не что иное, как проклятушую меланхолию. И сожалеть слишком поздно.

И Галка угомонилась, но в голове уже роились мысли...

И зачем память так с ней играет? Словно настырный диггер спускается в заброшенную шахту ее прошлого. Да здравствует приступ меланхолии! Ведь в другие дни перед глазами то и дело маячит транспарант «Поздно бывает только на кладбище!» с ухмыляющимся черепом после восклицательного знака.

Почему бы памяти не внять голосу разума? Зачем тревожить уставшее сердце? Причем и наяву, и во сне, когда Галка еще не соображает, что к чему и где она.

Так получилось, что в самом начале игр памяти — сны тогда редко ее посещали — спала очень мало, часов пять, особенно в конце квартала, а тут годовой отчет. Она тогда бухгалтером работала — филологи в пору расцвета бизнеса на руинах самой счастливой страны в мире никому не были нужны. Так вот, тело спало, а разум продолжал создавать не бухгалтерские проводки и налоговые накладные, а ее жизнь. Создавать по-новому, по-другому, будто огромным ластиком вытирая все плохое. Галка была в шоке от всего этого, но память словно жила своей жизнью: как только Галя падала в объятия Морфея, услужливая не там, где надо, память вытаскивала из своих недр забытое, добавляла незабытое, крутила все это, вертела и преподносила счастливице в виде снов. Почему счастливице, спросите вы? Цветные сны. В них всегда были хеппи-энд и ощущения исключительно приятные. Они, должно быть, хранили Галкину душу. По крайней мере, в этих снах она ликовала...

Интересные получались сюжеты, занимательные. Бывало, уже за чашечкой не всегда мерзкого кофе, разложив все по полочкам, Галка с грустью осознавала, что таким вот образом сердце мстит ее голове за то, что та не дает ему покоя. Именно мстит, а интуиция сюда даже не заглядывала, потому как заглядывать некуда, да и незачем, все давно ушло, уплыло. Это ей тоже интуиция подсказала: мол, не напрягайся...

А вообще ее интуиция с детства ведет себя довольно разумно — на пустое не сильно распыхается. В детстве нашептывала, какой урок выучить, а на какой забить. Однажды «посоветовала» в трамвае у окна не садиться, и в это окно камнем запустили. А про самый жуткий случай, когда она, уже студентка, хотела перейти дорогу на зеленый сигнал светофора, уже ступила на зебру — и вдруг все ее тело будто панцирь сковал... ой, лучше и не вспоминать. Если бы «панциря»

не было, она б уже взирала на землю с облаков, или откуда там взирают? А дело было в «рафике», он выскочил из-за угла и пронесся мимо Галки на такой скорости, что волна горячего воздуха едва не сбила ее с ног. М-да... Разное бывало, и на это разное у Галки существует одно объяснение — ее прадед по материнской линии, расстрелянный большевиками в тридцать восьмом году, был самым что ни на есть настоящим мольфаром из Космача, а в этом карпатском селе до сих пор мольфары живут.

Первое время сны нравились, и, вечером забравшись в постель, она «программировала» себя на то, что хотела бы увидеть еще и еще: знакомство с Юркой — уж очень необычное оно было... Первое свидание, уже в Харькове, — зашли в кафе, просидели до полуночи. На следующий день утром он позвонил, спросил, что она делает вечером. В ту же секунду забыла, что договаривалась с подругой пройтись по магазинам. Они встретились и поехали в парк. Поужинали. А дальше... «Объятие... Нежное, как ветер, настойчивое, неожиданное, шокирующее, как весенняя гроза...» В итоге Галка «допрограммировалась» — сколько раз она просыпалась, разбитая вдребезги этими снами! Сколько раз желание видеть их и не видеть разрывало ее сердце! И таки разорвало надвое — одна половинка упрямо приказывала снам не приходить. И что же они делали? Ухмылялись и не менее упрямо топали к другой половинке, ждущей их с нетерпением.

Хорошо, что в психушку не попала, а еще лучше, что не наступило раздвоение личности, а сработал присущий ей рационализм — из всего извлекать пользу. В общем, глубокой зимней ночью она проснулась, бросилась к столу и записала сон. Вернулась в постель и отключилась, едва голова коснулась подушки. Что она утром помнила? Что в эту ночь ей было очень хорошо, что душа млела от счастья и что она все записала. Она покосилась на стол, и по телу пробежала волна обжигающего предвкушения — сейчас она встанет и прочтет... Волна докатилась до сердца, кончиков пальцев, рта. Подушечки пальцев закололо, сердце неистово забилося, губы приоткрылись, с них го-

тов был сорваться сладкий стон, но сорвался крик ужаса. Волна отхлынула — и Галка вскочила с дивана как ошпаренная. С полминуты она стояла неподвижно, уставившись на стол, а перед глазами плясали сначала водяные пузыри и черные «мушки», а потом всплыло жирное шестизначное число из двадцать третьего счета, а в его хвосте гуськом два слова: «дебет» и «кредит». И еще всплыла картина маслом: она склонилась над столом и в толстой амбарной книге пишет между строк, на полях, в общем, там, где есть место, а книга эта не что иное, как годовой бухгалтерский отчет, с которым она сегодня должна отправиться поездом в Киев в министерство. В горле пересохло, как в пустыне Гоби или Сахаре, Галка глотнула и вспомнила, как выводила размашистым почерком слова с одной-единственной мыслью — записать, пока память удерживает идиллические картинки и пока душа парит, захлебываясь от счастья. На негнущихся ногах она подошла к столу и обомлела — так и есть, два экземпляра отчета лежат аккуратной стопочкой сбоку, а один по центру. Она открыла его и аж присела — ни на первой, там, где печати и подписи главбуха и ректора, ни на двух следующих страницах не было живого места. Но ситуация поправимая — отчет не на камне вырезан, за час можно распечатать испорченные страницы, подписать, заново переплести и успеть на скоростной поезд, отходящий с вокзала в четверть второго. Или, если не успеет, поменять билет на вечерний.

Она вырвала испорченные листки, спрятала их в письменный стол и поехала на работу. А там тихий, раздраженно-вкрадчивый вопрос главбуха «вы сошли с ума?» в ответ на ее признание: мол, захотелось почитать, уж очень интересный отчет, и нечаянно разлила соус — что-то перевернул в душе Галки. Она молча взяла со стола чистый лист и под прицелом двух злобных глазищ, жирно подведенных черным, твердой рукой написала заявление об уходе по собственному желанию.

Со словами «вы правы, я сошла с ума» она положила заявление главбуху на стол.

— Деньги за билеты я верну, — бросила она и покинула кабинет.

Постояла в коридоре, с удивлением ощутила прилив сил и неумно-идиотской радости и позвонила Ленке. Подружка поддержала и вопрос типа «как дальше жить собираешься?» не задала, а предложила вечером обмыть это важное событие. Событие обмыли, напившись до неприличия. В министерство поехала «сидящая» на основных средствах, а Галю уволили за несоответствие занимаемой должности, но еще две недели она отрабатывала.

Заначки не было, помощи ждать неоткуда, и Галка занялась поиском работы. Понимая, что на зарплату препода филологии не проживешь, разве что репетиторством заняться, но это не ее, она точно знает — ну не любит учительствовать, не любит бубнить одно и то же, для очистки совести прошерстила вакансии по специальности и убедилась, что диплом университета можно засунуть в одно место. Зарплаты не хватило бы даже на пропитание, а ей еще долг отдавать. Бухгалтерский стаж на тот момент был невелик, всего полтора года — эту нехитрую, близкую к логике и далекую от математики и физики специальность она освоила сразу после ареста отчима, чей долг упал на ее плечи. Галя почесала затылок, побродила по комнате и взяла телефон. Первый, кому она позвонила, был Жорик, однокурсник, работавший почти по специальности: имел свой издательский бизнес. Он печатал упаковки, коробки, этикетки, папки, поэтические сборники, прозу, монографии, районные газеты и вестники всяких вузов, а также автобиографии выдающихся горожан в шикарных переплетах, иногда в коже и даже тисненые золотом. Позвонила исключительно с целью предложить себя бухгалтером, а он с радостью сказал, что возьмет ее к себе, но бухгалтер у него есть, а вот редактор нужен. Причем удаленный. Галка чуть со стула не упала — это ж какая экономия на обуви, одежде и транспортных расходах! Жорик огласил размер зарплаты. Теперь настало самое время грохнутья со стула — препода столько и во сне не видит, а на работу каждый день

к восьми тридцати, будь добр... ножками... Галкина интуиция подсказывала, точнее, она прямо в ухо орала, что это как раз то, что нужно. Ну как тут не прислушаться?

Это было время полного блаженства. Начиналось все с того, что ранним утром, когда дворники еще не шуршали метлами или не скрипели лопатами для уборки снега, она просыпалась, завтракала, и... и если видела сон, то записывала его, а если не видела, то записывала все, что приходило в голову. В девять она заглядывала в почту — Жорик мог прислать срочную работу. До пяти она честно работала на Жорика — редактор из нее пока был никакой, многое забылось, и работала она медленно. В пять она быстренько перекусывала, и снова за компьютер, и так до полуночи. Все чаще она забывала поужинать, а есть в полночь — это ж прямой путь к шестидесятому размеру, поэтому ложилась голодная. Похудела, в глазах появился лихорадочный блеск. Кажется, я превращаюсь в «трудоголичку», подумала она и поделилась этой невеселой мыслью с Ленкой.

— Может, походить на курсы самопознания? — неуверенно сказала «трудоголичка».

— Еще не хватало финансировать разных шарлатанов! — взвилась Ленка. — Ты мне скажи — тебе сейчас как? Нормально?

— Да, очень даже, — кивнула Галка.

— Тогда заведи будильник, чтобы время ужина обозначить, и посмотришь, как оно будет. А курсы — это для идиотов. А о чем ты пишешь?

Галка рассказала.

— Отлично, продолжай в том же духе, — подружка помолчала и добавила, — на языке астрологов это называется программированием Вселенной на свое счастье. Или несчастье. Черт их знает, что они мелют...

Галя не отходила от компа часами, до жгучей боли в плечах, не могла дня прожить без того, чтобы не писать. Ей казалось, что впереди, вон там, в размытом будущем, ее что-то ждет и уже ручкой машет — привет! привет!.. А оказалось, вот что ждало

в обозримом будущем — очень скоро она волшебным образом успокоилась и перестала расстраиваться из-за прошлого. И еще она перестала расстраиваться из-за того, что от довольно высокой зарплаты ей ничего не перепадает. А также из-за того, что родной брат с нею почти не общается — звонит редко, а приезжает еще реже, хотя они живут в двух остановках метро друг от друга. Лена говорит: мол, сама пойдешь к нему в гости. Ходила. Посидели, вина выпили. Особой радости от общения не получила. Наверное, потому, что она почти на десять лет старше. Если считать по школе, то другое поколение. Хорошо, что он маме деньги посылает, а то вообще впору удавиться.

Да, от зарплаты ничего не оставалось — в галопирующей инфляции она таяла как снег в лучах яркого солнца. А чтобы отдать долг, Галка должна была покупать триста долларов в месяц, а доллар, ясное дело, все время рос. Это при том, что кредитор, коллега Вадима, отсрочил долг на полтора года. Может, он еще отсрочил бы, но язык не поворачивался просить его об этом. После такого тяжелого морального удара по семье, когда многие от них отвернулись, ей не хотелось терять последних надежных людей.

То, что оставалось, пожирала коммуналка, и в итоге Гале оставались «вши». Вот эти «вши» она проедала и еще умудрялась купить обновку и недорогой крем для лица — не превращаться же в тридцать с небольшим хвостиком в старуху-оборванку! Мама с тетей Зиной привозили из села продукты — тогда огород тети Зиной еще был настоящим украинским огородом, с кукурузкой, подсолнухом, картошечкой, огурчиками и тыквой, а не европейской лужайкой.

Время, когда продукты не только в холодильнике, а и в шкафах закончились, не заставило себя ждать, и на сильно голодный желудок Галка обнаружила, что ей нравится написанное — редактор она или нет?! Она удовлетворенно хмыкнула — неужели она раскопала-таки в себе писательский талант, о котором говорила еще учительница литературы? Прищурившись на экран компьютера, она дала себе слово довести текст до ума. Пока доводила, мама с тетей Зиной умчались в льготный санаторий по не-

ожиданно подвернувшимся путевкам от сельского головы, так что о дарах сада-огорода можно было тихо мечтать.

Ленка не только одолжила необходимую сумму, но и приволокла торбу с продуктами.

— Сдается мне, ты действительно сошла с ума, — сказала подружка таким тоном, что Галка бросилась ее обнимать.

— Да, сошла! — Она чмокнула Ленку в пухлую щеку, радуясь родственной душе.

Мама тоже родственная душа, но Галка ни ее, ни тетку не поставила в известность о писательских завихрениях в голове. Пусть они спокойно живут, пусть мама набирается сил, ей надо Вадима дожидаться.

— И что будем делать? — Ленка сдвинула густые нещипанные брови, придававшие ее лицу детскую наивность.

— Сначала раздевайся, — Галя помогла ей стащить дождевик с плеч, метнулась в ванну, стряхнула и повесила на веревку. Быстренько вернулась в коридор — Ленка еще пытела, как паровоз, наклонилась и вытащила тапки из гардеробной, потому как подружке наклоняться сложно, уж очень она поленькая, да и давление скачет. Пока Ленка приводила себя в порядок, Галя перетащила торбу в кухню.

— Ты там ничего не трогай, а то прольешь. — Подружка вошла в кухню, быстро закатала рукава вязаной кофты, такая же кофта есть у Гали, подарок тети Зои — вязание тоже входило в японский курс, — и распахнула дверь холодильника. Пару секунд она разглядывала пластиковую тарелку с жалкими остатками соевого соуса, покрутила носом, захлопнула дверь и нежным материнским голосом поинтересовалась, когда та ела последний раз.

— Вчера, — Галка прикусила ноготь указательного пальца и скосила глаза, — вечером... Нет, — подняла глаза к потолку, — ночью тоже ела... доела мюсли.

Ленка тяжело вздохнула и опустилась на табуретку:

— Галинка, ну, что ты делаешь? Зачем вот так с собой, а? Ты же отлично знаешь, чем это может закончиться.

Галка отлично знала, о чем говорит Лена — стоит ей перетрудиться или понервничать, как температура раз — и подскакивает. Еще герпес может обсыпать губы, почки могут занять и дефект суставной сумки крестцового позвонка может заявить о себе нестерпимой болью. Но не об этом она сейчас думала, не это главное — главное, среди голода и безденежья ей хорошо! Она посмотрела на подружку и скорчила смешную рожицу — скосила глаза к переносице, надула щеки, а нижнюю челюсть задвинула назад. Рожицы они еще в школе корчили, когда тройки получали или нагоняй. Чтоб приободриться.

— Галочка, — подружка положила руку поверх ее руки, — пожалуйста, не нужно, так нельзя. Ты просто не выдержишь.

— Да я не такое выдерживала, — Галя растянула рот в улыбке.

— Ага ... знаем ... Кстати, улыбка у тебя какая-то кривая, — фыркнула Ленка и отвернулась к кофеварке, — кофий у тебя есть?

— Есть, — Галя недовольно скривилась — она уже столько его напилась, что пару дней ни видеть, ни нюхать не могла. Но по-прежнему пила — жить-то надо.

Лена снова смерила подружку вопросительно-недовольным взглядом и поджала губы.

— Ты давно на себя в зеркало смотрела?

Галя отрицательно мотнула головой:

— Не хочу я куда-то смотреть, — она сотворила на лице невинное выражение, — не ругай меня. Понимаешь, я не знаю, что это, но, когда пишу, я будто ловлю что-то ускользающее, что-то очень дорогое, настоящее. То, что не удержала ... Впервые за эти годы я счастлива, честное слово. Я не помню, когда вот так себя чувствовала, — она запнулась и остановила на подружке немигающий взгляд. — Понимаешь, у меня такое ощущение, что вот-вот все встанет на свои места, все прояснится.

Лена прищурилась.

— Что прояснится?

— Не знаю, — Галка пожалала плечами, — но скоро узнаю. Скоро я во всем разберусь, нужно только записывать.

— Записывать? — Лена вытаращилась на подружку. — Что записывать?

Подходящие слова никак на ум не приходили.

— Ну... — в желудке образовалась пустота, и стало немножко не по себе, потому как Ленка смотрела на нее как никогда пристально, будто высматривала в ней что-то подозрительное. — Ну... это... я тебе говорила. Я это... сны записываю, — она шумно глотнула. — Благодаря этому я учусь на все смотреть под другим углом, — Галя запнулась и уставилась на подругу, как кот, нагло нашкодивший прямо перед носом хозяйки.

Ленка скосила взгляд и почесала взъерошенный затылок:

— Под другим углом, говоришь? — она наклонилась к борбе. — Борщ с салом и чесноком будешь?

С того дня пошло-поехало... Чтобы освоить довольно хитрое искусство доведения текста до ума, Галка упражнялась на статьях о том, как сохранить молодость и красоту, и чтоб это были не нудные статейки, а веселые и остроумные. Дело плевое — ройся в книжках, в Интернете, добавляй собственный опыт, болтовню с подружками и строчи себе... Получилось тридцать связанных между собой статей. Галка перечитала, насмеялась вдоволь, подправила и две статьи отослала в женский интернет-журнал, особенно не веря в успех, а наутро едва не потеряла дар речи: в ящике лежал ответ с предложением о сотрудничестве и стоимостью тысячи знаков. Мол, коль цена устраивает, давайте, пишите, мы рубрику сделаем. Стоимость такая, что перестанешь себя уважать — в два раза меньше, чем расценки на работе, но согласилась — руку набить страсть как хотелось, и лишние деньги не мешали. Вернее, лишних денег не бывает.

— А ты Андрею скажи, пусть часть долга на себя возьмет, — взывала к справедливости Ленка, — в долге этом, как ни крути, он виноват.

Галя с подругой соглашалась, но говорить об этом с братом, да еще в таком ключе, не станет. Никогда не станет. Спасибо, что он маме помогает, могло быть гораздо хуже — уж слишком

глубоко в нем засела обида на маму, обида за то, что она не спросила у него, тогда семилетнего, хочет ли он покинуть папочку, а молча посадила их с Галкой в такси и увезла. Разное было — слезы из-за немногочисленных игрушек, ссоры в подростковом возрасте из-за отсутствия брендовой одежды и карманных денег. Упреки, что к восемнадцати годам ему не купят автомобиль — раз родители развелись, то папа от своего давнего обещания отказался. М-да... Такой вот у них с Галкой папа. Свинское, иначе не скажешь, поведение брата сильно расстраивало Галку, хотелось наорать на него, все высказать, но мама твердила «не обижайся на Андрюшу, он не виноват», и Галка стискивала зубы. Иногда она внушала себе, что он действительно не виноват, а виновата кровь отца, человека мрачного и недоброго, к тому же Андрей родился недоношенным, много раз в больницах лежал, операцию на щитовидке сделали, узелки удалили. Из-за щитовидки его настроение менялось по часам, он плохо себя чувствовал, но, извините, уже двадцатилетний и почти двухметровый парень в состоянии контролировать себя и не устроить скандалы, как последняя истеричка. Кстати, в жилах Галки течет такая же кровь, но она истерик не устраивает. Правда, родилась доношенной.

— Если не будет хватать денег, возьму на квартиру студентку, — отвечала Галка, — или двух.

— Квартиранты тебе все поломают и загадят. Бросай свою редактуру и давай к нам в цех, у нас высокие заработки, — предлагала Лена, — у нас половина баб с высшим образованием.

— Нет, — Галка мотала головой, — я не могу упустить все это... — она делала рукой неопределенный жест.

— Что все это?! — кипятилась подруга. — Знаешь, пока ты будешь упражняться в литературных изысках, потеряешь бухгалтерские навыки. Тогда вернись к бухгалтерии!

— Нет, — упрямо твердила Галка.

— Слушай, так нельзя! — Ленкины щеки тряслись от возмущения. — Ты понимаешь, что сидишь за компом по двадцать часов в сутки, а?

— Понимаю.

— Ты видишь, что у тебя глаза как у вареного рака?

— Вижу.

— А то, что ты можешь заболеть? Я не про глаза, я про более серьезные вещи, про которые имею право говорить?

— Понимаю, — кротко соглашалась Галка, и ее кротость вводила подругу в ступор.

— Нет, это невыносимо, ты упряма как осел! — Ленка негодующе взмахивала руками.

— Это невыносимо, — соглашалась Галка, — но я не могу быть ослом, я женщина.

— Ты издеваешься?

— Нет, — проникновенно отвечала Галка и заискивающе улыбалась.

— Хм... — Лена смотрела настороженно и с любопытством, потом тяжело вздыхала. — Вот что я тебе скажу, дорогая подруга, я поговорю с твоим братом, он обязан помогать тебе.

Обязан... Царапучее слово. Если б Гале кто сказал, что она обязана неважно кому и неважно чем, она бы возмутилась до глубины души. Да, она обязана маме, Вадиму, Вере Петровне, но нет на свете человека, имеющего право сказать ей это, ну разве что мама... А собственный брат ей ничем не обязан, как и она ему.

ТЬфу, «собственный»... Нехорошее слово. Нет, ужасное. Галка его ненавидит. А отец обожает: мой собственный сын, моя собственная дочь, моя собственная жена, дом, машина, дача. Да, когда-то они были его собственностью, предметами, окружавшими его жадное до чужих вещей и мыслей существование. Жадное и непримиримое. Сколько раз он мертвой хваткой впивался в маму с вопросом «о чем ты думаешь?». О! Не дай бог Инне услышать этот вопрос, потому как правдивый ответ его не устраивал, а устраивал один-единственный: «Я думаю о...» Тут, правда, возможны варианты: начальнике, соседе, продавце на базаре, бывшем однокласснике, друге. Стоило Инне сказать, что она думает о работе — она могла о ней думать днем и ночью, будучи женским закройщиком с хорошим

вкусом и богатой фантазией, как Сергея накрывала дикая, патологическая ревность. И он ее бил или душил — тут тоже возможны варианты. Или продолжал допытываться, пока Инна не кричала: «Да, я думаю о мужчине!» Называть имя, тут же подсовываемое Сергеем в соответствии с его подозрениями, было нельзя. Однажды не выдержала, назвала, лишь бы отцепился, и Сергей помчался к этому человеку выяснять отношения.

Долгое время Сергей пребывал в шоковом состоянии — он был ошеломлен побегом супруги и окончательно сбит с толку тем, что она не предъявляет ему никаких имущественных претензий.

— Квартира моя, она не имеет на нее права! — орал он на весь подъезд, стоя на пороге квартиры Веры Петровны.

— Успокойтесь, Сергей Павлович, — речь Петровны текла невозмутимо, как река по привычному руслу, — говорю вам, Инна не будет предъявлять права на вашу жилплощадь.

— Как не будет?! — он аж подпрыгивает, в глазах растерянность и непонимание.

— Так, не будет, — Вера Петровна пожимает плечами.

Его глаза лезут из орбит:

— А мои собственные дети? Она подумала о детях? Где они будут жить?

— Простите, — улыбается Вера Петровна, — но у меня картошка на плите горит.

— Тогда передайте Инне, что я подаю на развод! — спохватывается Сергей и заглядывает в коридор за спиной Петровны.

— Непременно передам, — Вера Петровна одаривает его презрительной улыбкой и, вскинув гордую, украшенную седой копной голову, захлопывает дверь перед его носом.

На плите ничего не горело, и пока Сергей, стоя в подъезде, переваривал услышанное, Вера Петровна с Инной шептались в кухне, а Галка все это время громко читала Андрею сказку, только бы он не слышал голос отца. Сергей приходил еще много раз и, стоя в дверях — Вера Петровна в квартиру его так

и не пустила, — требовал, чтобы жена с ним поговорила, но Инна так и не вышла. А если он караулил ее возле дома, то круто разворачивалась и бежала прочь. Иногда он прятался в арке напротив подъезда и выскакивал перед ней неожиданно, как черт из табакерки, но это ничего ему не дало — на улице, среди людей, он был труслив и робок, и ничего, кроме бульканья и шипенья, выдавить из себя не мог.

Галя тоже к отцу не выходила, а вот Андрей выбегал. Выбежит, и они отправятся в парк погулять. Андрюша вернется, закроется в комнате и до ужина не выходит. Вот так однажды он вернулся, посидел в своей комнатке — квартира у Веры Петровны, дочери знаменитого психиатра, а ныне физиотерапевта на пенсии, была пятикомнатная, переделанная из четырехкомнатной, так что места хватало всем, — вышел к ужину и спрашивает:

— Мама, а почему на тебе клейма ставить негде?

Инна едва не давится таблеткой для повышения кислотности желудка, а Андрей продолжает:

— Папа сказал, что ты спишь с милиционерами и кавка ... кавка ... ну, они апельсины на базаре продают, — и глупо улыбается.

Почему взрослый мужчина сказал ребенку эту чушь — понять невозможно. И почему выбрал представителей именно этих профессий — тоже загадка. Хотя, зная Сергея, нельзя не заметить его робко-трусливую ненависть к ментам и завистливую к торговцам ... А ведь в девяностые сам обувью торговал.

— Ты говоришь глупости, — спокойно произнесла Вера Петровна, больше всего опасаясь, чтобы эти глупости не застряли в мальчишеской голове, — жаркое добавить?

Но они таки застряли. И преобразовались сначала в тихое и боязливое, а со временем обретшее голос, но по по-прежнему боязливое неуважение к матери.

Инна терпела, но препятствовать общению сына с бывшим мужем не могла, да и не хотела, видя в разводе преимущественно свою вину. Галка считала, что мама совершенно не виновата, но, видимо, такая уж у Инны жертвенная душа... Когда

Инна вышла за Вадима, Андрею было четырнадцать, и к неуважению добавилась агрессия, очень похожая на медленно просыпающийся вулкан, булькающий и внушающий окружающим ощущение неотвратимой опасности. В чем это проявлялось? В Андреевом красноречивом молчании. В скрытой враждебности. В стремлении поскорее выпорхнуть из гнезда, вернее, переехать к отцу — тот все еще жил со своей матерью в просторной квартире. Но Сергей не спешил принять сына: мол, после моей смерти все тебе останется, а пока не мешай наслаждаться свободой. Да, он был свободен — женщины в его доме не задерживались. Уходили не оборачиваясь. Некоторые — с громкой руганью, отскакивающей от стен подъезда, о чем Инне докладывала бывшая соседка. А от обязательств перед детьми его освободила сама Инна — не подала заявление на алименты. Адвокат говорил, что она поступает крайне глупо: мол, двое детей, вы имеете право на часть его недвижимости. Инна же любого присутствия Сергея в своей жизни избегала. Бывший и его мать таким поведением были крайне озадачены и знай себе повторяли: ничего, придет время, и эта тварь приползет на коленях. Но время шло, а «тварь» не приползала — она раз и навсегда закрыла за собой дверь. Для Инны Сергея больше не существовало. Откуда вчера еще слабая, забитая женщина нашла в себе силы распрямить плечи и взлететь, неизвестно, но даже в самое трудное время, когда она голодала в прямом смысле, а у детей в тарелке во что бы то ни стало золотилось хорошо прожаренное куриное крылышко, у нее и в мыслях не было искать помощи у бывшего.

Андрей был в шоке — не мог понять, почему отец и бабушка не хотят с ним жить. Но шок растаял, не оставив и следа, а вот злость на мать — она во всем виновата! — зашла на очередной виток и за короткое время расцвела пышным цветом. Что удивительно, злость эта разгоралась или утихала в ответ на Иннину радость и боль. Андрей мог зависеть от количества йода в организме, от погоды или атмосферы в доме, но его злость на мать жила отдельной жизнью. Если Инна была здорова, весела, смеялась, Андрей стремился как можно быстрее стереть улыбку с ее лица.

Но стоило Инне заболеть или расстроиться, и Галя с удивлением обнаруживала в брате доброго, нежного, внимательного мальчишку, который все реже и реже в нем проявлялся.

Однажды Вадим договорился со знакомым психиатром, и тот пришел к ним домой. О том, что гость психиатр, Галя не знала. Все вместе пообедали, побеседовали о работе, об Андрюхиных отметках, о природе, погоде, политике, и друг ушел. А на следующий день Вадим, улыбаясь, признался, что это был психиатр, и добавил, что его друг не увидел в юноше никаких психических отклонений, мол, парень здоров.

«... Здоров? Э, нет, он весь в отца», — подумала тогда Галка и испугалась своей жестокой, но правдивой мысли.

Пришло время, когда нежный и внимательный мальчишка «проявился» и застрял в Андрее на несколько дней. Случилось это в палате, в отделении с табличкой «Реанимация» на дверях, куда Инна попала с инфарктом после вынесения приговора Вадиму. Андрей сидел на стуле, впившись взглядом в бескровное лицо матери, совершенно опустошенный, потерянный, а Галя готова была убить брата — это же он во всем виноват! Но, конечно же, не убила. Пришел врач, попросил оставить больную в покое, хотя мама никак не реагировала на их присутствие. Они вышли в коридор и впервые за много лет обнялись. Галка ни жива ни мертва таращилась поверх плеча согнувшегося брата на дверь реанимации и молилась впервые в жизни. Через несколько дней они снова стояли у постели мамы. Врач сообщил, что ей уже значительно лучше, что она обязательно поправится, и Галя увидела в глазах брата тот самый недобрый блеск, короткий и яркий, как молния. Увидела и отвела взгляд — наивная, она уже поверила, что болезнь мамы навсегда вернула в этот мир доброго вихрастого мальчишку, с радостным криком кидающегося к маме каждое утро и каждый вечер, как только она возвращалась с работы... Держа маму за руку и всматриваясь в бледное неподвижное лицо, в трубки, торчащие из носа и горла, как же Галка хотела высказать Андрею все! Но мама давно запретила:

— Не трогай его, он твой родной брат!

Этим все было сказано.

Когда Инна поправилась окончательно, рассказала, что ви-дела во сне свою давнишнюю мечту...

... Она смотрит в окно на новенький автомобиль с огром-ным бантом на крыше и числом «25» на капоте, стоящий воз-ле их подъезда. Цвет автомобиля синий, в свете яркого солнца бант отлиывает серебром. Посреди комнаты стоит праздни-чный стол, за ним Андрей, Вадим и Галка. Перед Андреем си-няя коробочка, точь-в-точь под цвет машины, перевязанная серебристой ленточкой. Дрожащими от волнения пальцами он развязывает ленточку, открывает коробочку. Внутри клю-чи. В его глазах вспыхивают тысячи солнц.

— Машина возле подъезда, — Инна улыбается.

Андрюха вскакивает и с криком «Спасибо, ты лучшая в ми-ре мама!» обнимает ее. От этих слов она чувствует легкое, а потом все более настойчивое покалывание в кончиках паль-цев, подрагивание щек, губы растягиваются в улыбке, и скулы сводит судорога... она просыпается.

— Все это сказки, — хмыкнул Андрей.

Инна грустно усмехнулась, а Гале захотелось дать брату по голове — ему было десять лет, а мама уже мечтала о таком вот подарке, хотя денег в то время едва хватало на еду и скудное су-ществование. Уже когда они вышли из палаты, она прошипела:

— Нельзя так говорить! Нельзя обзывать мечту сказкой! Надо мечтать, и все сбудется!

— Ты меня всякими новомодными практиками не зомби-руй, — хмыкнул брат, — я живу в реальности. Мы никогда не выберемся из нищеты из-за ... — он запнулся.

— Из-за кого? — взвилась Галка.

— Да ну тебя!

Он махнул рукой и, не попрощавшись, пошел к лестнице. Галка за ним не побежала.

Странно, но она не могла долго сердиться на брата, как не мог-ла понять, откуда это? Что это — сила крови или разума? Может, алая липкая жидкость течет не только в ее жилах, но и в чувствах

Літературно-художнє видання

ВІНК Таня

Немає нічого сильнішого за кохання

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*

Редактор *Т. М. Куксова*

Художній редактор *А. О. Попова*

Технічний редактор *В. Г. Євлахов*

Коректор *Н. С. Стрельцова*

Підписано до друку 01.10.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Арно». Ум. друк. арк. 13,44. Наклад 4000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»

Св. № ДК65 від 26.05.2000

61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24. E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНИСОФТ»

Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua

61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ВІНК Таня

Нет ничего сильнее любви

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*

Редактор *Т. Н. Куксова*

Художественный редактор *А. О. Попова*

Технический редактор *В. Г. Евлахов*

Корректор *Н. С. Стрельцова*

Подписано в печать 01.10.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнітура «Арно». Уса. печ. л. 13,44. Тираж 4000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

Св. № ДК65 от 26.05.2000

61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24. E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»

Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua

61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов**Харьков**

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Галя і Юра планували весілля. Ось тільки не склалося. Родини закоханих стали ворогами, і життя розділило їх, розкидавши по різних містах. Минають роки, але Галя досі не може забути своє кохання. Вона відчайдушно хоче заповнити душевну порожнечу. Зустріч з нареченою брата, Катєю, матусею-одиначкою двох малят, наповнює її життя новим сенсом. І знову все руйнується — Катя помирає. Галя оформлює опіку над дітьми. Тепер Настя й Тиміш — сенс її життя. Галя зникає до самотності та приймає свою долю. Але раптом Настя, маленька ланка в запутаному ланцюзі, закручує вихор подій, давно зотлілих від часу. І ставить Галку перед вибором, від якого та втекла в минулому: іти назустріч коханню чи втратити його назавжди...

Винк Т.

В48 Нет ничего сильнее любви : роман / Тая Винк. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 256 с.

ISBN 978-617-12-7083-1

Галя і Юра планували свадьбу. Вот только не сложилось. Семья влюбленных стали врагами, и жизнь разделила их, разбросав по разным городам. Проходят годы, но Галя все еще не может забыть свою любовь. Она отчаянно хочет заполнить душевную пустоту. Встреча с невестой брата, Катей, одинокой мамой двух малышек, наполняет ее жизнь новым смыслом. И снова все рушится — Катя умирает. Галя оформляет опеку над детьми. Теперь Настя и Тимоша — смысл ее жизни. Галя свыкается с одиночеством и принимает свою судьбу. Но вдруг Настя, маленькое звено в запутанной цепи, закручивает вихрь событий, давно истлевших от времени. И ставит Галку перед выбором, от которого та убежала в прошлом: идти навстречу любви или потерять ее навсегда...

УДК 821.161.1(477)